

Т. В. Мещерякова

БИОЭТИКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ НАУЧНОГО И ВНЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ¹

Выявляются особенности современного научного развития и связанная с ними необходимость учета этической составляющей науки. В связи с этим уточняется в биоэтическом пространстве роль религиозной аргументации, в частности позиция РПЦ, в отношении научных исследований, проводимых в биомедицине.

Ключевые слова: биоэтика, наука и нравственность, религия.

Биоэтика, являясь областью «междисциплинарных исследований, направленных на осмысление, обсуждение и разрешение моральных проблем, порожденных новейшими достижениями биомедицинской науки и практики здравоохранения» [1, с. 267], представляет собой пространство диалога самых разных сил и течений, является той проблемной областью, которая привлекает интерес научной мысли и общественного мнения. Сегодня благодаря средствам массовой информации проблемы, исследуемые биоэтикой, общеизвестны: эвтаназия, применение новых репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатное материнство), трансплантация органов и тканей и многие другие. Они более популярны в обыденном сознании, чем сама биоэтика, и затрагивают фундаментальные для мировосприятия человека темы. Поэтому неслучайны и оправданы совместные усилия философов, биологов, медиков, юристов и теологов в решении проблем биоэтики.

Проблемы биоэтики (по мере развития и появления все новых биомедицинских технологий) постоянно актуализируют такое направление современной философии науки, как вопрос о соотношении науки и нравственности. Первым биоэтическим документом по праву можно назвать Нюрнбергский кодекс (принят в 1947 г., хотя биоэтика как научная дисциплина оформилась гораздо позже), где впервые в истории были изложены этические правила проведения медико-биологических экспериментов. Биомедицинские исследования и эксперименты на людях и животных и необходимость ограничения риска для испытуемых при их проведении; возможность вмешательства в геном человека, а значит, и в его наследственность, что затрагивает права и интересы не только ныне живущих, но и последующих поколений людей; моральная обоснованность вторжения исследователей в психику человека с целью ее биохимической или физиологической модификации – таковы лишь некоторые аспекты этой проблемы.

В 1995 г. Нобелевский лауреат Премии мира Джозеф Ротблат (Joseph Rotblat), который оппозиционно относится к идее этической нейтральности

науки и отсутствия ответственности ученых за применение их научных достижений, предложил Клятву Гиппократа для ученых. Ученый, приносящий эту клятву, берет на себя индивидуальную ответственность за этическое значение своей научной деятельности [2]. Как отмечает Льюис Уолперт (Lewis Wolpert), цель в этой клятве ставится благородная, но ученые редко могут воспользоваться властью для применения на практике своих научных достижений. Также существует «серьезная опасность в том, чтобы просить ученых быть более социально ответственными, если это означает, что они имеют право и власть принять такие решения самостоятельно» [2]. История евгенического движения является классическим примером безнравственности науки, когда генетики Германии обосновали политику «расовой гигиены», а также приняли участие в ее осуществлении. В итоге «в Германии произошло слияние науки и идеологии. А если наука объединяется с идеологией, это предвещает ее падение» [3, с. 116]. Притом надо отметить, что не в одной Германии принимались евгенические законы. Например, в США между 1907 и 1928 гг., приблизительно 9000 человек было стерилизовано на том основании, что они были слабоумны. Генетик Б. Мюллер-Хилл предупреждает: «...если сегодняшних генетиков оставить исключительно на волю сил, действующих в условиях рыночной экономики, то вполне возможна ситуация, схожая с той, которая была в Германии при нацистах, ситуация, когда в интересах страховых компаний и работодателей людей, имеющих «неправильные» генотипы, могут заклеить позором» [3, с. 116]. Необходимо добавить – не просто заклеить позором, но и подвергнуть дискриминации, отказав им в работе, а также в страховании своего здоровья.

Опасным для отдельных людей и общества в целом может быть не только власть ученых, государства. Предоставление власти врачам тоже может оказаться чреватой опасностью. Л. К. Холл, предостерегая об этом, отмечает, что врачам, как и всем людям, ничто человеческое не чуждо. Их также волнуют проблемы профессионального статуса,

¹ Исследования ведутся в рамках проекта РФФИ 11-06-00160-а «Критерии самоорганизации информационных систем».

у них есть свои субъективные взгляды, основанные на религии, воспитании, личных убеждениях и т. д. В свете этого, подчеркивает автор, аргументы некоторых экспертов «о том, что медицинские решения в “вопросе о смерти” (что бы это ни значило) не должны быть подчинены религиозным или духовным убеждениям, выглядят подозрительными. Один из главных имеющихся у нас инструментов защиты от злоупотреблений властью в целом состоит в том, что власть должна быть подчинена другим человеческим ценностям, в том числе и религиозным» [4]. Сегодня существуют огромные возможности науки, но эти возможности не безграничны. «Медицина должна подчиняться другим человеческим ценностям и по-прежнему проявлять скромность в вопросе о том, что ей по силам, а что нет» [4].

Итак, сегодня не подвергается сомнению существование, как ее называет Б. Г. Юдин, *внешней* этики науки [5, с. 235], которая охватывает проблемы, порождаемые применением научных исследований. В XX в. это стало особенно злободневным в связи с созданием атомного, химического, биологического оружия и применения уже в I мировой войне одного из них. Но необходимо подчеркнуть, что проблема соотношения науки и этики не сводится только к проблеме применения научных достижений. Поэтому далее мы рассмотрим особенности современного развития науки и, как пример религиозной оценки научных исследований в биомедицине, проследим отношение к ним Русской православной церкви.

Среди особенностей развития науки на современном этапе отметим следующие. Сократился временной интервал между научным открытием и его применением. В классический период развития науки он составлял 15–20 лет [6, с. 227]. Сегодня в некоторых областях он сократился практически до минимума. Мы полагаем, что в биомедицинских технологиях его вообще нет: обсуждение этических проблем начинается уже на стадии эксперимента (как это, например, происходит со всеми видами клонирования), а, например, фетальная терапия и трансплантация¹ в России уже применяются на практике, в то время как данная технология находится еще на стадии эксперимента. По этой причине в Западной Европе фетальная терапия запрещена.

Влияние науки и создаваемых ею технологий на жизнь человека становится все более глубоким,

всепроницающим [7, с. 42]. Происходит не только «все более плотное “обволакивание” человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и устраиваемый для него наукой и техникой» [5, с. 234], но и создается угроза существования человека. Современные биотехнологии дали возможность не только улучшить, подправить человеческую природу, но и создавать то, что не заложено изначально. Например, в случае вмешательства в геном человека или при изменении пола. Все это может привести к непредсказуемым и необратимым последствиям как для отдельного человека, так и для человечества вообще. В силу этого этическое измерение научных исследований стало особенно актуальным.

Но оценка отношения науки и этики в современной литературе весьма неоднозначна. С одной стороны, отмечается, что «этическое напряжение в науке действительно растет» [6, с. 229], с другой – отстаивается точка зрения этической нейтральности науки². Е. А. Мамчур, анализируя эти диаметрально противоположные оценки, выделяет два аспекта научной деятельности – когнитивная деятельность ученого и деятельность ученого как члена социума, как гражданина – и считает, что в первом – деятельность ученого этически нейтральна, во втором – нет, здесь неразрывно единство научного познания и этических ценностей [6, с. 229–230]. Е. А. Мамчур полагает, что фундаментальные исследования по-прежнему остаются этически нейтральными. Мы считаем, что на современном этапе развития биомедицины не только прикладные, но и фундаментальные исследования не могут оставаться этически нейтральными. Они имеют дело с таким объектом познания, как человек, в отношении которого чрезвычайно важно соблюдать *внутреннюю* этику науки [5, с. 235], регулирующую сам процесс получения научных результатов.

Б. Г. Юдин отмечает, что сегодня в науке сложилось два императива, между которыми наблюдается конфликт: с одной стороны, свобода научного поиска, выстраданная за всю историю существования науки, с другой – необходимость ограничения этой свободы в интересах человека [5, с. 238]. В исследованиях, проводящихся с участием людей в качестве испытуемых, этот конфликт приобретает форму конфликта между свободой научного исследования и необходимостью защиты достоинства испытуемых, защиты их прав, так как участие в

¹ Используются фетальные органы и ткани, т. е. органы и ткани, полученные в результате аборта (fetus с лат. – плод, зародыш).

² Многие ученые считают науку по определению нравственно нейтральной, поэтому этический взгляд на научный вопрос для них равен носилен невежеству. «И все же подобная позиция, – пишет New Scientist, – подобна уходу от проблемы социальной ответственности науки. Журнал считает, что ученые сами виноваты в сложившейся ситуации. Им надо больше рассказывать о своей работе, а не уединяться в башне из слоновой кости. Обыватели имеют право опасаться, что нравственно слепая наука может однажды причинить им вред». [Целиков Д. Аморальная наука: биоэтика с точки зрения обывателя. URL: <http://www.vechnayamolodost.ru/pages/biojetika/novajastranica.html>]

эксперименте всегда сопряжено с большим или меньшим риском для них [5, с. 239]. Испытуемые нередко соглашаются на участие в эксперименте в ожидании того блага, которое может принести им это участие (например исцеление). Возникает конфликт интересов: исследователь заинтересован в получении новых знаний, испытуемый стремится получить терапевтический эффект.

Б. Г. Юдин выделяет два основных механизма регулирования исследований с участием человека. Первый – это процедура информированного согласия, которая предполагает перед началом исследования информирование участника эксперимента о целях, задачах, ожидаемом благе и возможном риске исследования и получение от него добровольного согласия. Второй – это контроль этического комитета: «каждый исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым этическим комитетом» [5, с. 241].

Следует также отметить, что объектами исследования (как прикладного, так и фундаментального) сегодня являются эмбрионы, которые представляют собой не простой биологический объект, а фактически являются человеческими существами на самой ранней стадии своего развития. В силу этого к ним не может быть применена процедура добровольного информированного согласия, и в то же время они обладают фундаментальным правом на жизнь, вопрос о защите которой стоит очень остро. Поэтому проблема статуса эмбриона не теряет своей актуальности как в практической медицине (например, при проведении экстракорпорального оплодотворения), так и в научных исследованиях (например, с использованием стволовых клеток, получаемых из эмбрионов).

Таким образом, можно сказать, что этические соображения встроены в деятельность ученого. В условиях непрерывного прогресса биомедицины различным религиозным конфессиям приходится вырабатывать и уточнять свои позиции по целому ряду биоэтических вопросов. Поэтому религия, как и любая другая общественная сила, не может оставаться в стороне, и мнение Православной церкви о нравственной стороне того или иного вмешательства в природу человека является актуальным как в плане помощи в выработке этической позиции ученых, исследователей в отношении своей деятельности, так и в плане определения позиции общества в установлении нравственных границ научных исследований. Важно это и для пациентов, которые могут стать участниками научных экспериментов. Им не безразлично, на какого рода

медицинское вмешательство они соглашаются, что является сырьем для получения лекарства или вакцины, которые проходят испытания.

Существуют крайне противоречивые оценки отношения биоэтики и православия. Крайне негативная: «Будучи модной околоцерковной философией, биоэтика надевает на себя личину добра, притворяясь христианской этикой. Будучи рожденной в теле, которое никогда не было Церковью, биоэтика хочет казаться христианской», «биоэтика есть учение лжи» и т. п. [8].

Более сдержанную оценку биоэтике дает американский ученый Г. Т. Энгельгард. Он называет биоэтику явлением постхристианским и посттрадиционным, чьи специалисты «оказались чем-то вроде светских священников, а сама она заняла место светского нравственного богословия» [9]. Определяя биоэтику как «постхристианскую», он имеет в виду то, что «современная культура и биоэтика стремятся утвердить нравственную жизнь и часть человеческого прогресса на таком фундаменте, в рамках которого не требуется признавать существование Бога и прислушиваться к истине Христовой и к Церкви. Эта светская биоэтика очень часто настроена по отношению к Церкви враждебно» [9]. Говоря о светской биоэтике, Г. Т. Энгельгард не отрицает возможность существования биоэтики христианской.

Противоположную оценку роли биоэтики дает диакон Михаил Першин, старший преподаватель кафедры биоэтики РГМУ: «...биоэтика в современном мире становится формой христианской миссии. Само обсуждение вопроса о приемлемости и допустимости тех или иных процедур и технологий, таких, например, как клонирование, экстракорпоральное оплодотворение, эвтаназия, трансплантация, подводит к принятию фундаментальных нравственных норм, заставляет задуматься над религиозным измерением человеческих поступков» [10].

Какова же официальная позиция Русской православной церкви по проблемам биоэтики? Она была изложена в разделе XII Основ Социальной концепции Русской православной церкви, принятых на юбилейном Архиерейском соборе в 2000 г. Пришлось специально разрабатывать доктрину РПЦ в отношении биомедицины и биоэтики, так как тексты Писания и отцы Церкви не могут дать ответы на вопросы, поскольку поставленные сегодня (за исключением аборт¹), они были совершенно неизвестны в то время, когда были написаны тексты.

Согласно сформулированной в разделе доктрине РПЦ, биоэтика, очевидно, выходит за рамки

¹ Проблема искусственных абортов сегодня тоже получила новые аспекты, совершенно неизвестные в прошлом, как, например, связь искусственных абортов с пренатальной диагностикой.

собственно биомедицинской этики, ибо задачей ее является не только защита жизни, но и защита определенных ценностей человеческой личности. Отмечается, что это сообщает биоэтике особое место в социокультурном контексте, определяя его как пространство диалога, в котором должно быть найдено место не только голосу клиницистов, ученых, общественных деятелей, но и пастырскому голосу Церкви [11].

Вместе с тем целый спектр проблем оказался неохваченным, в частности проблемы, связанные с научными исследованиями в области биомедицины, по ряду вопросов общецерковное мнение РПЦ не высказано, а имеются только частные богословские мнения.

Для этики научных исследований наиболее проблематичным, на наш взгляд, является вопрос о начале человеческой жизни, ибо исследования проводятся не только с участием взрослых компетентных испытуемых, но и фундаментальные исследования ведутся на человеческих эмбрионах (где в итоге они погибают). О начале жизни в Основах Социальной концепции Русской православной церкви (2000 г.) сказано четко: «...зарождение человеческого существа является даром Божиим. Поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой жизни преступно» [11]. Отсюда этически недопустимыми становятся исследования стволовых клеток (там, где в научных целях приходится использовать эмбрионы); эксперименты в области применения фетальной терапии и трансплантации; исследования, целью которых является как репродуктивное клонирование, так и терапевтическое, т. е. клонирование органов и тканей.

В отношении репродуктивного клонирования позиция РПЦ однозначно отрицательная. В Основах Социальной концепции РПЦ (2000 г.) отмечаются различного рода негативные последствия репродуктивного клонирования (генетические, политические, психологические, биологические).

«Замысел клонирования является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности. «Тиражирование» людей с заданными параметрами может представляться желательным лишь для приверженцев тоталитарных идеологий. Клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства. Ребенок может стать сестрой своей матери, братом отца или дочерью деда.

Крайне опасными являются и психологические проблемы клонирования – человек, появившийся на свет в результате такой процедуры, может ощущать себя не самостоятельной личностью, а всего

лишь «копией» какого-то из живущих или ранее живущих людей.

В частности, отмечается, что «побочными результатами» экспериментов с клонированием человека неизбежно станут многочисленные несостоявшиеся жизни [11]. Проводимые эксперименты на животных доказывают такой исход, например, для успешного появления на свет первого клонированного крупного млекопитающего животного (овцы Долли в 1997 г.) пришлось «потерять» 237 эмбрионов (применялась технология ЭКО и суррогатного материнства). Да и сама процедура проведения экстракорпорального оплодотворения человека (оплодотворения «в пробирке») этически сомнительна в силу пока неизбежной гибели так называемых избыточных эмбрионов.

При этом в Основах Социальной концепции РПЦ не отмечены этические проблемы терапевтического клонирования, а, напротив, говорится, что «клонирование изолированных клеток и тканей организма не является посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике» [11]. Это, несомненно, перспективное направление в развитии медицины, которое, в частности, позволит решить проблему острейшего дефицита донорских органов в трансплантации, а также свести к минимуму риск отторжения пересаженного органа. Но создание клонированных тканей сегодня проводится из эмбриональных стволовых клеток, т. е. за счет уничтожения эмбрионов. Пока не будет найден метод, не предполагающий гибель человеческих эмбрионов, терапевтическое клонирование будет оставаться этически неприемлемым. Данный момент в Основах Социальной концепции РПЦ никак не учитывается.

Интересно, что среди православных врачей нет единства в понимании этих проблем, что показало социологическое исследование мнения врачей в 2002–2004 гг., проведенное священником (и врачом) Сергием Филимоновым и Г. Л. Микиртчян. Ими было опрошено 790 врачей [12]. Все респонденты были разделены на группы по отношению к религии: атеисты (неверующие), считающие себя верующими, воцерковляющиеся. К примеру, на вопрос «Когда можно считать эмбрион человеческим существом?» ответили, что с момента зачатия – 82.5 % воцерковляющихся врачей (для сравнения: среди неверующих врачей так ответили – 37.8 %). Но все-таки 17.5 % православных врачей либо затруднились с ответом, либо считают иначе. Для выяснения мнения врачей о клонировании было задано два вопроса: отношение к клонированию человека и отдельных органов. Положительное отношение к клонированию человека воцерковляющиеся совсем не высказали. Ответы на второй во-

прос резко отличались от ответов на предыдущий: «за» – 42,8 %. Таким образом, «среди воцерковляющихся врачей значительная часть оказалась неподготовленной к решению современных этических проблем, отказавшись или затруднившись ответить на поставленные вопросы» [12].

Достаточно яркую оценку происходящему сегодня в биомедицине дал архиепископ Афинский и всея Эллады Христул: «...следующие поколения, если правильно будут следовать евангельскому благовестию, будут считать черными страницами истории не только тоталитарные режимы и ГУЛАГи, не только истребление наций и войны, но и массовые убийства тысяч (человеческих) зародышей на благо науки и техники» [13].

Сегодня наступил момент, когда необходимо безотлагательно обсуждать эту тему с государством и обществом в целом. Православная церковь призвана помочь в четком определении позиций в условиях далеко не однозначного развития научных исследований в области генетики, эмбриологии, клеточной терапии (прежде всего в применении стволовых клеток). «Она призвана давать нравственную оценку различным вмешательствам в человеческую жизнь и выступать с заявлениями духовного порядка, которые избавят сегодня людей

от возникшей путаницы. Мнения Церкви спрашивали как ученые, так и общество, и теперь уже как нечто само собой разумеющееся воспринимается факт участия делегатов от Церкви и богословов в работе комиссий по биоэтике» [14]. (К сожалению, в нашей стране работа православных богословов в этических комитетах скорее исключение, чем общепринятая практика.)

Резюмируя содержание статьи, необходимо отметить, что актуальность проблемы отношения науки и этики диктуется сегодня не только проблемами, связанными с применением на практике научных достижений, но и появлением в XX в. этической составляющей в фундаментальных исследованиях (особенно в биомедицине). В условиях, когда проведение научных исследований и их прикладное использование касается очень широкого круга людей и даже судьбы человечества как биологического вида, выработка и учет ценностного отношения к ним требует диалога самых разных сил и течений, в том числе и религиозных. Концепция Русской православной церкви в отношении проблем биоэтики проработана не до конца, в чем-то даже противоречива, но, тем не менее, она последовательна в деле защиты человеческой жизни на самых ранних стадиях ее развития.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина, А. П. Огурцова: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 744.
2. Wolpert Lewis. Is cell science dangerous? // J. of Medical Ethics. 2007. Vol. 33. P. 345–348. URL: <http://jme.bmj.com/cgi/content/full/33/6/345>
3. Мюллер-Хилл Б. Генетика человека и массовые убийства // Человек. 1997. № 4. С. 107–117.
4. Холл Лорен К. Классический либерализм и преодоление кризиса биоэтики. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/3089/>
5. Юдин Б. Г. Биомедицинские исследования в этическом измерении // Человек–наука–гуманизм: к 80-летию академика И. Т. Фролова [отв. ред. А. А. Гусейнов]; Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2009. С. 233–248.
6. Мамчур Е. А. Наука и этика // Там же. С. 224–233.
7. Мелик-Гайказян И. В. Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. № 5. С. 42–51
8. Печать модернизма – печать биоэтики. Листок организации «Жизнь». 2000. № 10. URL: <http://www.life.org.ru/inform10.htm>
9. Энгельгардт Г. Т. Мудрые ответы на сложные вопросы. URL: http://yarcenter.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=21927&pp=1&page=0&Itemid=78
10. Писаревский В. Биоэтика как форма христианской миссии. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/467.htm>
11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
12. Священник Сергей Филимонов, Г. Л. Микиртичан. Мнение врачей о некоторых новых биотехнологиях в зависимости от отношения к православию (по материалам социологического исследования). URL: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=24&id=1916>
13. Архиепископ Афинский и всея Эллады Христул. Богословие и биоэтика. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/031027120845.htm>
14. Мильтиадис Ванцос. Православный взгляд на биоэтику. URL: <http://www.eduhmao.ru/info/5/5680/85885/>

Мещерякова Т. В., кандидат философских наук, доцент кафедры
Сибирский государственный медицинский университет.
Московский тр., 2, Томск, Россия, 634050.
E-mail: mes-tamara@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 29.08.2011.

Т. В. Meshcheryakova

BIOETHICS AT INTERSECTION OF SCIENTIFIC AND EXTRA-SCIENTIFIC AREAS

The article reveals characteristics of modern scientific development and necessity of taking into consideration an ethical component of science related to it. According to it author specifies the role of religious reasoning in bioethical area, in particular, position of Russian Orthodox Church in regard of scientific research conducted at biomedicine.

Key words: *bioethics, science and morals, religion.*

Siberian State Medical University.

Moskovsky tr., 2, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: mes-tamara@yandex.ru